Прошло ещё прилично времени: на календаре уже успел кончиться июнь. Начинался июль-месяц, как любят говорить бабульки, зайдя в очередную шарашкину контору на огонёк. Жара продолжалась, периодически прерываясь грозою и ливнями. Были деньки, в которые ничего не происходило; были деньки, которые были веселее обычного. Кира и Стёпа ходили гулять и целовались, команда Маши продолжала ошиваться у Егора, а анимкады, которые развелись в округе за последние дни неимоверно, решали свои анимкадские делишки, тёмные и не очень.

Но это было внутри безмятежного Барнаула. За его воротами разворачивалось абсолютно инфернальное действо, доходившее порой до абсурдизма.

Новости становились всё хуже с каждым днём, становясь всё более похожими на сводку с фронта. Если раньше по телевизору могли рассказать хотя бы про увеличение удоя коров или церемонию открытия скамейки в городе Усть-Засранск, то теперь весь эфир стремились занять либо Реалисты, радостно рапортовавшие о истреблении очередной горстки анимкадов, либо протестующие, которые ходили сначала с рупорами и лозунгами, потом с дубиной, потом с ружьями. Это было везде: в Уэльсе, в Белоруссии, в Того. Лишь там, где порядка не было отродясь, он не подвергался поруганию. Митинги разгонялись силой, но как только одну беснующуюся толпу обращали в бегство, собиралась вторая, ещё более жуткая. Что просили - непонятно. Чего ждали - неведомо. Кто-то боялся того, что один доллар будет стоить не меньше трёхста тысяч рублей. Кто-то кричал "Я ХОЧУ КРУЖЕВНЫЕ ТРУСИКИ!". Кто-то нёс здоровенный плакат "Всю власть Учредительному собранию!" и "Доколе?!". Кто-то орал в рупор: "Когда же вы наконец-то расправитесь с жестокими анимационными кадаврами, которые режут наших детей?", кто-то наоборот, желал отдать Луи Максвелла и всю его шайку под трибунал, чтобы не мешали нормально жить. Кто-то мечтал о том, чтобы правительство снизило цены на бензин. Крики "Долой войну!" и "Даёшь войну!" переплелись в едином потоке горлопанства. Били морды, ломали хребты, сворачивали шеи. Люди ходили сначала за правдой, а потом - громить булочные и бить чёрных или белых - как повезёт, кто первый под горячую руку подвернётся. Грязно стало на улицах: убирать на улицах стало некому, все стали водку пить да на митинги ходить. На фоне грызни с ожившими персонажами мультфильмов, жизненной неустроенности индивидов и ража толп по старой доброй традиции выплыл, как собачья какаха по весне, национальный вопрос, о котором не хочется говорить, потому что можно ляпнуть такую гадость, за которую всю оставшуюся жизнь стыдно будет. Отдельные личности не постеснялись свалить всю вину, как это водится, на Россию и кремлёвских хакеров. И само собой, на евреев. Начались погромы. Кровавые анимкады всех форм и расцветок- чебуры, эды-эдди с их бабищами-канкерами, ежоны, хелло-китти, лешики, элмеры, арбаккели, зака-зака, багзы - появлялись то тут, то там, оборзевшие от чувства собственной безнаказанности, помноженной на желание устроить жестокую и весёлую мстю кровавым Реалистам, рубя людей(а то и друг друга) и наоборот, умирая от их рук, внося дополнительный вклад в чудовищность происходящего. И эджи, которые видели человечество в гробу в белых тапках, радовались безумию. В один прекрасный день всю новостную ленту заняло лицо Луи Максвелла, который гнал свою пафосную речь о том, что всех анимкадов и скрабблеров надо истребить, а также описал список предателей, за которыми он явится следом после завершения своей великой миссии, прежде чем он сможет распустить свою организацию и уйти восвояси. Он метил в спасители человечества. Во всяком случае, сейчас это у него получалось. Во всяком случае, поток финансовых и прочих вложений в дело Реалистов только рос, хоть и без особого энтузиазма.

-Меня это пугает. - в открытую признался Шнурок.

-Это точно. - сказала Маша.

Жестокость была обоюдной. Позавчера два зака-зака на спор убили какого-то польского влиятельного бизнесмена, бросив его в гигантский миксер, после чего вылили оставшееся после мучительной смерти содержимое прямо на краковскую улочку. Вчера, как в годы рождения партии фалангистов Франко, распалась на несколько независимых хунт, клик, окраин и ряда очагов, в которые анимкады особенно сильно вцепились(например, в пригороде Севильи), Испания. Сегодня вечером, как всегда, бузили арабы: толпа прошлась с факелами по Каиру.

В России тоже было несладко. Страна, как всегда, переживала тяжёлые времена. Шли беспорядки, рубились с Реалистами анимкады, дорожала водка. Приходилось, стиснув зубы и затянув пояса, медленно, но верно переходить с хорошей водки - на дешёвую, с дешёвой водки - на палёную, а с палёной - на одеколон с политурою. До волжского Калинова дело, однако, пока не дошло: сказалась неприметность сего затхлого городишки. И лишь Барнаул нерушимо стоял. Пережил он челленджи ютуберов, пережил мексиканскую стену, пережил краткий миг независимости Сиэтла - и это он переживёт! И пусть Маше периодически казалось, что в ближайшее время ничего хорошего не произойдёт и если честно, то пора поступить как поросёнок Пётр и смотаться отсюда, то Барсик наоборот, считал, что всё зашибись и так они будут спокойно жить в одной квартире, словно кильки в бочке или вьетнамцы в общаге, пока не умрут своей смертью. Либо смертью от собственной тупости. Кому как повезёт. Или вообще не умрут, как получивший бессмертие Шнурок, которому торчать в сей юдоли страданий аж до наступления большого сжатия Вселенной или чего-то подобного. А ждать его предстоит гораздо, ГОРАЗДО дольше, чем нового акта марлезонского балета с поиском критерия Зальцманна и прочей канителью, который наступит 5 апреля 2025 года. Да и то не факт, что "Проклятие Маккормика" захочет отпускать полюбившегося ей узника из материальной темницы, с которой так яростно боролись древние манихеи. Ныне их идеи, впрочем, отправлены в самые глубокие закутки архивов.

Один раз Машу, смотревшую очередной пропагандистский высер по зомбоящику, ситуация в мире пробрала до костей. Но это был не страх первого выступления на сцене или синих занавесок. Это был страх, неведомый альтернативно сотворённым анимкадам. Это был страх, смешанный с болью и скорбью. Она понимала, что мир - чудовищен, а пока они с неуклюжим Барсиком прыгают на скакалке, родители хоронят мёртвых детей, которых убил кто-то похожий на Барсика - либо наоборот, дети хоронят похожего на Барсика анимкада-сезама, убитого злыми татарами в шапках киргизских, пока средь сучьев из леса доносились сиротливые стуки тупого дятла по стволам деревьев. Пока Шнурок страдает от невезения, наверняка найдутся суслы, которые мечтают о том, чтобы хотя бы один денёк прожить в его шкуре.

Быдло дохло, дохнет и продолжит дохнуть, зачастую в муках. Вот только кто пан, а кто вошь, как сказал бы Освальд Q16? А может, и нет никакого пана? А может, на самом деле совершенно нет вши?

В любом случае, этот вопрос сведёт любого человека с ума.

http://tl.rulate.ru/book/66622/1875703